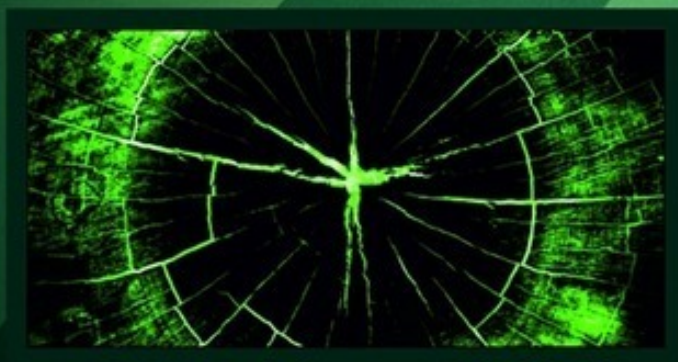


Конкурс фантастики
«КВАЗАР»

ИЗБРАННЫЕ

Вирд



«Трещины»
2017

Конкурс Квazar

Алексей Жарков
Избранные. Вирд

«Издательские решения»

Жарков А.

Избранные. Вирд / А. Жарков — «Издательские решения»,
— (Конкурс Квazar)

ISBN 978-5-44-838062-4

Состав сборников «Избранные» определяется тайным голосованием среди участников открытых конкурсов фантастики, проводимых на площадке «Квazar». Каждый выпуск в серии формируется по итогам одного из таких тематических конкурсов, здесь вы найдёте рассказы, написанные как молодыми, так и опытными авторами, и признанные большинством читателей наиболее примечательными среди прочих. Книги серии характерны и наполнены увлекательными историями, способными как следует разнообразить ваш литературный досуг.

ISBN 978-5-44-838062-4

© Жарков А.
© Издательские решения

Содержание

Что такое вирд?	6
Серая империя	7
Грибной год	14
Давка	19
Пусть всегда	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Избранные Вирд

Составитель Алексей Жарков

Иллюстратор Александр Павлов

Дизайнер обложки Алексей Жарков

© Александр Павлов, иллюстрации, 2017

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8062-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что такое вирд?

Вступительное слово Ильи Пивоварова

Легенды гласят, что в переводе с одного из германских языков, «weird» значит «странный». Ареалом его обитания были рассказы Лавкрафта и Кафки, но потом зверёныш подрос и стал жить на стыке жанровых полей. За рубежом вирд в изобилии водится в Британии, на страницах произведений Чайны Мьевиля, и в Америке, в книгах Джеффа Вандермеера и Роберта Беннетта. У нас бы он и не прижился, если бы не Владислав Женовский, который привёз вирд из-за границы, вырастил его, а потом, когда появились первые плоды, раздал семена друзьям-литераторам. Разведением и селекцией вирда также занимаются Михаил Павлов и Алексей Жарков.

Как выглядит вирд? Внешний вид его изменчив из-за приверженности экспериментам. Шкура сюрреалистична и абсурдна, количество, размер и форма конечностей зависят от жанровых влияний: щупальца и жвалы хоррора, стимпанковские трубы и колёса, фантомные конечности традиционной мистики. Этакий «изысканный труп» от литературы, чьей единственной постоянной чертой остаётся странность. Не думайте, что вирд близок к сверхъестественному хоррору. Вирдовой может быть фантастика (произведения Филипа К. Дика), фэнтези («Город лестниц» Роберта Беннетта), шпионская проза («Посредник» Чайны Мьевиля), научный трактат («Королевский кальмар» Джеффа Вандермеера), и многие другие жанры.

Каковы повадки вирда? Он не стремится ни рассмешить, ни напугать. Его цель? Возможно, развлечь, но больше – явить миру свою странность, и пусть читатели решают, что с ней делать.

Вирд водится и на этих страницах. Вы услышите, как он пищит и скребётся в «Серой империи», увидите его в муравьином мире «Пяти смертей одного», почувствуете в «Давке». В каждом из рассказов альманаха он ведёт себя по-разному. И всё-таки, что это за тварь? Хватайте воображаемые сачок, удочку или с чем вы охотитесь – и отправляйтесь в путь.

Удачной ловли, читатель!

Илья Пивоваров

Серая империя Константин Головатый

«мечется кошка; невесело ей:
чувствует приближение мышей».

В.А.Жуковский «Суд Божий над епископом»

Утро выдалось холодным.

К оконным стеклам прижался дождливый смурной день-город. Рядами и поколениями в небо вонзались небоскребы, и оно не выдержало. Исколотое многоэтажными штыками в этой точке земного шара, небо истекало дождем, плакало холодными каплями.

Все это Ирина едва могла различить, но знала, что так и есть. Не вставая с постели, она нащупала на тумбе очки, нацепила их, и посмотрела в окно.

День-город прорвал ограду восприятия, и прижался теперь уже к линзам очков. Проник в мозг, скользнул в душу, где давно свил гнездо.

А все же приятное пробуждение! Великий день! Сегодня ее ожидает интервью с Марком Павловичем Табле – событие немалое, просто грандиозное. Отделенный от прочего мира своей серой империей, Табле никого к себе не подпускал.

Встреча назначена на двенадцать часов. Вздыхнув, Ирина выбралась из теплой постели, и быстренько собралась. Кот Мурзик нагнал женщину в дверях и, мурлыча, стал тереться об ноги.

– А ведь тебя покормить надо, дружок, – сказала она ласково, и погладила пушистую черную спинку. – Неизвестно когда вернусь, – после интервью она, скорее всего, на всех парах поскачет в редакцию.

Все женщины в городе давно избавились от страха перед мышами, поэтому Ирина невозмутимо достала коробку и вытряхнула ее содержимое. Пискнув, мышь шлепнулась на пол и попыталась скрыться. Грациозным прыжком Мурзик пленил ее, и заиграл, прикусывая время от времени.

Вообще потчевать кота такой пищей Ирине не хотелось. Вот только попробовав однажды мышатину производства компании Табля, Мурзик ничего иного жрать не желал.

– Что же он в них добавляет?! И сколько еще там осталось? – Ирина посмотрела на коробку. Счетчик показывал четыре. Скоро придется новую покупать, вздохнула женщина.

Шесть из десяти жизней мыши исчерпаны. Новинка от Табля: мышь с десятью жизнями. Абсолютно живая и настоящая. Сейчас кот сожрет ее, насытится, мышь переварится... и все же почти сразу она возникнет в своей коробке под блистером! Там, где-то в областях философии и науки – генной инженерии, например, – в заоблачной выси для заурядных умов, рука загадочного Марка Табля одарила мышь еще одной жизнью. Отчасти за это Ирина его и преследовала, стреляла в спину статьями и репортажами.

Выходя из квартиры, она поразилась, как кот остервенело рвет мышь, со злостью, – словно завидуя тому, что у нее на одну жизнь больше чем у него.

Взрывая колесами лужи, такси неслось по улицам мегаполиса. Ирина безучастно смотрела в окно. Все знакомо до тошноты: здания – однотипные конструкции из стекла и металла; унылые прохожие в одинаковых одеждах – выписанные под одну копирку мысли и судьбы. Ни искры, ни вдохновения, одна только всепоглощающая – без конца и края – серая пустота.

Зарядил ливень, и капли дождя отстукивали беспросветный тоскливый мотив одиночества.

Машина петляла среди небоскребов как мышь в лабиринтах дома, невольно сравнила Ирина и рассердилась на себя. Табле со своей свитой даже ей в сознание ухитрился просочиться! Она ненавидела его за это, и сразу отметила: машина – мышина...

Когда-то Марк Табле был простым человеком, неудачником можно сказать, и беды преследовали его по пятам. И вот Марка осенила мысль разводить мышей и сбывать их под видом кошачьего питания. Прежде всего Табле открыл несколько магазинов, где мышей продавали на развес. Со временем расширился, отстроил большой супермаркет, еще несколько, потом настал черед первой фабрики и ферм. Империя выросла. Своих питомцев хозяйюшки баловали исключительно продукцией Табле.

С всеобщего одобрения Марк пролез в городской совет, и незаметно превратился в фигуру номер один. Активно используя новейшие научные достижения, он приглашал ученых со всего мира, спонсировал их – порой сомнительные – изыскания. Сам Марк стал затворником, и нигде не показывался, – его лицом была империя. От него без конца появлялись удивительные новинки вроде мышей с множеством жизней, разноцветных, с разными вкусами. Занятия наукой открыли Табле безграничные возможности. Он даже пытался воздействовать на погоду.

А у горожан словно глаза застлало. Мало кто придавал значение тому, что раньше город утопал в солнечном свете, был ярким и цветущим. Взошла звезда Марка Табле и в ее сиянии мегаполис поблек, отсырел, в нем теперь непрестанно поливали дожди. И повсюду мыши, – коробки с ними стоят в любом магазине; по улицам курсируют грузовики с логотипом Табле, – специально для них в светофоры встроили четвертый цвет. Когда загорается серый, движение на дорогах замирает, – и фуры с мышами и химикатами могут беспрепятственно продолжить свой путь.

Вот почему Ирина, журналистка, одна из немногих, кто посмел объявить ему войну. В памяти женщины дрожало тусклое воспоминание о цветущем прошлом, – хотя ее образ жизни и судьба в ту солнечную пору были серыми.

И вот он назначил ей, самому непримиримому противнику, встречу.

Хотя какой там противник?! Наполняя мир бесполезной суетой, Ирина, и подобные ей, мельтешили у подножия небоскреба, в котором располагались центральные лаборатории и штаб-квартира мышинового магната. Небоскреб, или точнее: небоцарап. Здание построили в виде мыши, – она замерла на задних лапах, вскинув морду верхних этажей и распушив усы-антенны. Высоко, почти в облаках, засев в одном из ее пластиковых глаз, ожидая Ирину, взирал на лежащий перед ним мир сам Марк Табле.

Охрана была предупреждена, женщину пропустили внутрь, и, сраженную красотой и богатством отделки, доставили лифтами и лестницами в кабинет Табля.

Конечно, все здесь смотрелось солидно и богато – от техники до мебели, – и на общем фоне сразу бросался в глаза заключенный в рамку портрет Микки Мауса. Внушительных размеров картина висела на стене.

Марк Табле оказался долговым узкоплечим человеком, одетым в белый халат – словно только что вернулся из лаборатории. Лицо покрывали морщины и складки как у шарпея (хоть на мышь не похож, облегченно выдохнула Ирина). Умные глаза смотрели строго и проницательно.

– Вот и вы, дорогая моя Ирина Андреевна! Такой я вас себе и представлял. Прекрасной и сильной, обаятельной и пламенной. Здравствуйте! Рад видеть вас...

Ирина ответила на приветствие, прекрасно понимая, что он лукавит. Ни одно из озвученных прилагательных к ней не относится. Уставшая женщина, невзрачная, чрезмерно расплывшаяся в талии, одутловатое лицо, мешки под глазами, – вот что она из себя представляет.

– Я как рада – не представляете. Воочию вижу героя моих материалов, – сухо сказала Ирина, занимая место за длинным столом, во главе которого восседал Табле. Она села через пять стульев от Марка. Исходящая от него сила воли приблизиться не позволяла.

– Ха, герой ваших материалов! – Марк хихикнул. – Какой там герой?! Злодей и преступник, поправший природу, бога, и – как вы там выразились? – самолично заступивший на роль природы и бога. Что-то в этом роде. Признаться, по первости я был раздосадован. Но потом... почему нет? Без бога мир катится в тартарары, тут нужна сильная рука, божеский глас, и...

– И мыши? И эта... – она запнулась. Намереваясь высказаться насчет серости мегаполиса, его настроения, едва не нажаловалась на чувство собственной никчемности, свое серое существование, – настолько неотделимо оно от общей городской атмосферы.

Табле развел руками. Несмотря на желание показаться чудачком и растяпой, таковым он, конечно, не являлся.

– Да что мыши?! Это просто средство. Всякие эксперименты, и прочие чудеса. Случаются и побочные эффекты, бывает, но все пройдет, Ира. Обойтись без сложностей тут непросто. За всем карнавалом, конечно, скрывается яркое и чистое пламя! Огонь факела, что я несу в руках, и которым освещаю путь. Словно Данко Максима Горького, да!.. Но даже такие как вы, Ира, лучшие представители человечества, могучие мудрецы, ошибаются. Мудрецы введены в заблуждение, блуждают они в потемках суеверия и невежества...

Бред какой-то, подумала Ирина, игра в кошки-мышки.

– Марк, почему вы передумали? И решили о себе рассказать? Столько лет ведь таились...

– Очень хотел познакомиться с вами. Не стану скрывать, немало вы причинили хлопот. Ой, как немало... И вот я перед вами, а вы передо мной, и мы немного поболтаем о том о сем. Приступим?..

Они мирно беседовали. Ровным голосом Марк Табле излагал факты своей жизни, но только общеизвестные, а их беседа записывалась на диктофон. Ничего нового я не узнаю, огорчилась Ирина. Она немного робела от уверенности и строгой силы Табле.

Вдруг Марк вздрогнул, и испугано взглянул на женщину.

– Помогите, – прошептал он.

– Что?! – от неожиданности она выронила диктофон. Наклонилась поднять, а когда посмотрела на собеседника, вновь увидела непреклонную волевою скалу. – Что помочь?

Он улыбнулся.

– Дорогая, помогите нам испытать новую модель! Мышь RT 16-U, способна мяукать и передразнивать кота. Станете первой, а? Окажите честь?

– Нет уж, спасибо!

Разговор продолжался. Марк часто шутил, и вот после очередного каламбура дрожащим голосом произнес:

– Мне нужна помощь...

– Да что с вами такое? – с ним явно творилось неладное. Словно две личности боролись за возможность сидеть здесь, за счастье находиться в белом халате. Шизофреник? – Что происходит?

– А ничего! Знаете, у великих людей свои странности, – снисходительно пояснил Табле, и перевел разговор на другую тему: – кстати, я покажу вам лаборатории, где мы скрещиваем мышек с различными вещами. Вам понравится, уверяю... Вот, к примеру, телевизор в стене, – он указал на большой плазменный монитор – а у вас под рукой пульт. Включите.

Ирина взяла кнопочный пульт, щелкнула. Взволнованная девушка вела репортаж с центральной площади, где в изобилии собрались кошки. Все пространство перед зданием администрации было ими усеяно. Несмотря на дождь, они сидели мокрые, и жалобно мяукали.

– Маленькие бунтовщики, – улыбнулся Марк – декабристы, ха-ха. Жалкие, противные животные.

Ирина не ответила, слушая версии диктора о причинах кошечьего митинга.

В правой руке что-то зашевелилось, заскребло. Она взвизгнула и выронила пульт. Черная шутовина лежала на полу, затем в боках проклюнулись лапки и хвост, – и пульт пополз в сторону. Она ошеломлена наблюдала.

– Так, забавный пустячок, – сказал Марк – побочный эффект экспериментов. Более всего любит, когда щелкнув одной из кнопок на животике, попадаете на канал, где рекламируют что-нибудь съестное. Так она питается, эта малютка.

– Боже! – воскликнула Ирина. Ее растерянный взгляд, метущийся от ковыляющего пульта к Марку Табле, неожиданно уперся в портрет Микки Мауса. – Как вы это делаете?

– Наука! И немного фантазии. Чутьочку магии. Смешать, но не взбалтывать, – пошутил Марк. Торопливо достал лист бумаги, что-то написал на нем и резко толкнул лист женщине. Пара слов в белом квадрате проехали по матовой глади стола, но когда Ирина приготовилась лист подобрать, Марк вскочил, метнулся молнией и перехватил его. С бумагой в руках попятился обратно, изорвал в клочья, дунул в ладони – и те разлетелись.

Что происходит? Ирина терялась в догадках. Единственное в чем она не сомневалась, так то, что душевный разговор пора прекращать. Когда женщина поднялась, Марк опять внезапно достал лист, черкнул короткое слово, и толкнул.

Она была уверена, что там написано слово «Помогите».

Так же как уверена в том, что прочитать он ей не позволит. Так и вышло. Марк вскочил и перехватил собственное послание. И попятившись, сел на место.

– Ха-ха, мы так шутим в нашем исследовательском центре, – улыбнулся он – кстати, давайте-ка пройдемся по лабораториям. Увидите массу любопытного.

Ирина согласилась. Пусть сегодня Табле и поведал одни лишь всем известные о своей персоне факты, ничего сверх, кое-что новое она узнала, и любопытные сведения выльются в серию новых статей. Скажем, о магнате-шизофренике? О его причудах и метаниях, плюс то, что увидит в лабораториях. Хотя понятно, что ничего серьезного Табле не покажет.

Они покинули кабинет под бормотанье телевизора. Крупным планом оператор показывал картинку: несмотря на яростный ливень коты стягивались со всех концов города...

Снова лабиринты лестниц, взлетающие и падающие лифты. Марк с Ириной заходили в комнаты, где зеленый газ ползал по витым стеклянным трубкам, где люди в белых халатах разливали по мензуркам разного рода химикаты. В цеха, внутри которых тянулись конвейерные линии с мышами, и над каждым из этих маленьких животных вспыхивали разноцветные лучи. Желтые, красные, фиолетовые. Похожие на мечи джедаев, они исходили из компьютеров и хитроумных агрегатов, падали с потолка, скрещивались, извивались, и всякий раз вонзались точно в мышь... И после облучения на свет рождалось что-то необычное.

Округлив глаза, Ирина вертела головой, бросала жадные взгляды, стараясь ничего не упустить. Вот это место! И что здесь творится! Феерия красок! Пещера чудес Алладина!

Всю дорогу Ирина шла впереди, а Марк следовал за ней.

– Одна из лабораторий, где мы занимаемся скрещиванием, – пояснил он в новом зале. – Вот, взгляните. – Они стояли у стола, вокруг которого вповалку лежали обрубки бревна.

– И что это?

– Соединили бревна и мышей. Чепуха, скажете. А получился новый способ, весьма эффективный, разводить любимое кошачье лакомство. Эй, дружище, удиви-ка нашу гостью!

Примчался сутулый парень в белом халате, с топором в руках, и развалил один из обрубков на несколько чурок. Деревяшки разлетелись в разные стороны, каждая превратилась в мышь. Парень кинулся их ловить, сноровисто, опыт, судя по всему, у него имелся.

Ирина давно потерялась. Она не знала, что еще ее ожидает. Кошмарный сон – вот что это такое. Вся эта экскурсия – бред. Как бы проснуться!.. Да, сон. Нет на самом деле ни безумных чудес, ни Табле, который не поворачивается спиной, – не случилось всего этого в ее серой одинокой жизни.

Марк заглянул женщине в глаза.

– Вам плохо, Ира? Держитесь! Тут сложно остаться безучастной. Столько всего вокруг! Вы удивлены, да. Но самое интересное впереди. Нас всех ожидает час Икс.

– Час Икс?! – испугалась Ирина – что это значит?

– Ничего, – отмахнулся Марк – пройдем дальше. Здесь у нас отдел спортивного инвентаря. Вот, к примеру, коньки, – он продемонстрировал крупную мышь с лезвием вместо лап и углублением в спине для человеческих ног. – Пока не знаем, оставить их живыми или просто вещью сделать.

Черные глазки конька дрогнули и взглянули на Ирину. Она прочитала в черных блестящих бусинках – живых несомненно – страдание и мольбу о помощи. Мышка пошевелила лезвием.

Со смехом – детским каким-то – Марк хлопнул в ладоши над головой женщины. Колени Ирины от страха подогнулись, но Марк подхватил ее, не дав упасть.

– Ну, не пугайтесь, дорогая. Всего-навсего мыльные пузыри. Да, скрестили. Я сейчас прихлопнул один, – в помещении плыли прозрачные мыльные пузыри, шевеля лапками. Они прилетели со стороны, где сотрудник лаборатории выдувал их через колечко, макая его в мыльшинный раствор.

– Ребята здесь развлекаются иногда, это шутки у них такие. Один шельмец придумал такой фокус. Берется кусок сыра, а пузыри слетаются на него словно мухи на мед, и примагничиваются. – Марк подвел спутницу к грозди пузырей, прозрачной массе размером со слона, сердцем которого был желтый ломтик.

Больше я этого не вынесу, подумала Ирина, и побежала прочь.

Снующие туда-сюда ученые, люди в халатах, – никто не обращал внимания на бегущую женщину, взъерошенную и пытящую на бегу. Даже Марк о ней позабыл. Но она не думала, что внутри здания-мыши, начиненной всякими чудными вещами, ее оставят без присмотра. И действительно молчаливый человек в черном костюме встретил и проводил до выхода.

Как ошпаренная она выскочила из здания, – и угодила под ливень. Дождь хлестал немилосердно. Одежда мгновенно промокла до нитки, а прическа растрепалась и превратилась в мочалку.



Ирина мчалась вперед, ей хотелось свежего воздуха, дышать им, глотать, и чтобы навстречу рвался ветер. Но, вопреки ожиданиям, лицо щекотало дыхание умирающего – настолько слабым был ветерок. Не с чего ему окрепнуть здесь, в пространстве, стиснутом домами-великанами.

Забиться домой, вот о чем мечтала Ирина, и поспать часок-другой, прийти в себя. А потом чашка кофе и можно приступить к очередной разгромной статье.

Кольнуло чувство тревоги, и женщина взглянула вверх. Тяжелые свинцовые тучи, небесные синяки, плыли следом за ней. Ирина повернула на другую улицу – и тучи повернули.

Она вскрикнула.

Не спеша нагонять, тучи держались позади. Ирина присмотрелась и увидела, что у каждой свисает длинный хвост. Вдобавок ко всему, ее внезапно накрыла тень. Здание Марка Табля, которое она оставила за спиной, то самое в виде мыши, шевелилось. Гигантская голова с верхними этажами наклонилась. Глаза-окна шарили по земле пронзительным взглядом, искали Ирину.

Засмотревшись, она остановилась. Хватит! Сон это конечно, а как иначе?! В городе, пропитанном мышинным духом, ничего иного присниться просто не может! Табле живописует сны, его тона исключительно серые, а кисть понятно из чьих шерстинок.

Уже не обращая внимания на хвостатые тучи, посмеиваясь над собой, женщина пришла к себе и рухнула в постель. Усталость и одиночество овладели ею в полной мере. Она лежала в неприбранной квартире, пыльной, где по углам пауки ткали паутину из мышиных усов. Было три часа дня.

Мурзик мяукал и как одержимый царапался в дверь. Быть может, он рвался к своим на площадь.

Глубоким сном она проспала до вечера, а когда проснулась, кровать показалась огромной. Потолок и стены комнаты отдалились.

Ирина пискнула, и, перебирая лапками, метнулась на край кровати. Предчувствуя беду, тревожно билось крохотное сердечко.

И беда не заставила себя ждать, – справа возникла ее тень, большая и ушастая.

Черный зверь не спускал с Ирины цепкого взгляда зеленых глаз.

Она рванула в сторону, но угодила в лапы зверя. Мурзик подкинул ее, и поймал под столом, прижал к полу, отпустил. Куда бы Ирина ни ткнулась, в какой угол не шмыгнула – везде ее поджидали когтистые лапы и зеленые глаза. Она растворилась в этих глазах, а затем увязла на острых зубах. Память и сознание погружались в трясину, и хвост лупил по сторонам, агонизируя. Она, Ирина, умирала; по обе стороны от ее смерти торчали роскошные усы, а над ней блестел мокрый нос...

У себя в кабинете Марк с улыбкой смотрел телевизор.

Коты на городской площади напоминали ему декабристов. Они грозно сверкали глазами, дергали хвостами, точили когти. Дождь смешал их в одноцветную массу. Зря они выступили! Кошачья порода обречена. Их враги, мыши, стали куда более умны и опасны. Кроме того у них есть он, Марк Табле. Вместе с людьми кошки замахнулись на серую империю, и та их непременно раздавит!

Пульта так и не нашелся, уполз невесть куда; Марк поднялся с кресла, и вручную выключил телевизор.

А та тетка, верно, уже покинула мир. Ушла маленькой дорогой, которую он для нее проложил. Табле возбужденно потер руки. Наука и магия открыли для него невероятные возможности, разрушили границы.

Во время экскурсии он снял с плеча Ирины несколько волос, а ранее агенты принесли пару ее детских фото и мелкие вещи вроде губной помады. Этого было достаточно, чтобы скрестить жизнь Ирины с мышами. И она сама превратилась в безобидную серую мышку.

Подобным образом можно переделать природу любого отдельно взятого человека, но много возни. Особенно если ты собираешься повлиять на человечество целиком.

Значит, надо изменить историю.

Давно он корпел над грандиозным замыслом: скрестить прошлое человечества с мышами. Потребуется орудия первобытного общества, кусочки пирамид, всякий хлам средневековый. Надо охватить все этапы развития людей, основные стороны их жизни на протяжении веков.

При слове «ИХ» Марк ощутил смутное беспокойство и укол страха. Это человек в нем раскаивается, проклиная тот день, когда занялся бизнесом. Во время опытов он имел неосторожность попасть под мутагенные лучи и потихоньку обмышился сам. Иногда человеческая личность берет верх, но все реже и реже.

Марк подошел к портрету Микки Мауса, вытянулся стрункой, щелкнул каблуками, и, приложив руку к голове, отдал честь. Из-под халата выпал розовый хвост.

В свое время Микки Маус покорила весь мир. Теперь настал черед настоящего завоевания!

Что если это мыши построили в Египте пирамиды, и написали «Джоконду»? Что если именно они открыли Америку, и приручили электричество? А потом создали Третий Рейх? И серая империя все же завоевала планету.

Грибной год Алексей Искров

Это было давно. Лица, имена, водоворот глупых, бессмысленных слов прошли мимо меня и остались позади, растаяли в тумане старости. А лето... Лето я помню очень хорошо. Закрою глаза – сразу вижу зеленеющий лес и Варю, на ней белоснежное платье, она смеется. Так отчетливо, так живо вижу, протянешь руку – коснешься. Многие воспоминания ушли, но события того лета навсегда выжжены в мозгу, словно и не было ничего в жизни больше.

За тонкой стеной соседка орёт раненым зверем, муж пытается её успокоить, звонит куда-то, кричит, но в голосе не отчаяние, а злость. Ночью не заснуть. И я начинаю писать. И лето снова пышет зелёными красками, пахнет ароматом костра.

Костры мы жгли в заброшенном коровнике, кособоком бетонном здании с выбитыми окнами, со всех сторон окруженном высоким сором. Саня попробовал картошку и сплюнул в золу.

– Сырая ещё, зараза. Ни хрена не получается.

Я пожал плечами и поковырял прутом угли.

– Скучно, – Варя зевнула и потянулась. – Ром, пойдем домой. Бабка заругает.

– Цыц, – ответил я.

Саня достал из кармана папиросу, подпалил, затянулся и выпустил горький густой дым, который медленно смешался с дымом от костра.

Пламя тихонько трещало, отбрасывая высокие тени. Варя сложила пальчики и на стене появилась морда огромного пса.

– Скучные вы, – Варя снова зевнула. – По грибы завтра пойдем? Там их куча целая.

Саня кивнул и улыбнулся. Моя сестра ему нравилась, тут и гением не надо быть. Верка сшила, что видела, как Саня и Варька целовались. А мне что?

– Бабка говорит, грибной год – плохо, – вспомнил я.

– А почему? – удивился Саня.

– Чёрт её разберёт.

Варя пихнула меня локтём в бок.

– Пойдем домой, ну. Бабка орать будет. А завтра по грибы. Всё равно картоха у вас противная получается.

Я встал, отряхнул штаны, собрал в корзину не пострадавшую от наших рук картошку.

– Пойдем, нытик.

Саня затоптал костер, и мы медленно направились к дому. От летней духоты не осталось и следа, небо переливалось звездами, сестра шла, задрав голову.

– В городе такого не будет, а? – спросил Саня и невзначай приобнял Варю за плечи.

– Неа.

Я закатил глаза и ускорил шаг. Узкая тропинка вела сквозь поле, вдалеке сияли окна домов. Ветер трепал волосы и гладил лицо, а с неба подмигивали бриллианты звёзд. И действительно красиво.

Об этом тихом вечере я вспоминаю с особенной тоской. Больше таких вечеров в моей жизни не было.

Утром меня разбудила Варя, уже одетая в белое платье. Она нависала надо мной, упреков руки в бока и поджав губы, из окна на лицо падал луч солнца, и она хитро жмурилась.

– По грибы, – приказала сестра.

Я со вздохом зарылся в пододеяльник, но Варя, когда хотела, умела быть очень убедительной, после пяти минут нытья, я понял, что покоя не будет и встал.

Во дворе уже ждал Саня в голубом чепчике, держал в руках корзину и лыбился во все тридцать два зуба. Варя взяла у бабки ведёрко, повязала на голову ярко-красную косынку, спрыгнула с крыльца и побежала в сторону леса. Белоснежное пятнышко среди жёлтого поля. Саня втопил за ней. Я лишь покачал головой. Солнце душило, обжигало, от него не спасала даже футболка, которую я стянул и повязал на голову, по спине бежал пот, а мозги варились внутри черепной коробки.

Друзей я нагнал уже на тропинке в лес. Варя сидела на корточках и внимательно изучала землю. Вскочила, завизжала и продемонстрировала нам с Саней гриб.

– Это мухомор, дура, – сказал я.

Варя надула губы.

– Не ври.

– Я и не вру, – но усмешки сдержать не смог.

– Харе тебе, Ром, – вступился за благоверную Саня. Я только махнул рукой.

В лесу было прохладнее, пахло травой и чем-то едва уловимым, но тяжелым, неприятным. В городе во дворе как-то сдохла кошка и на солнце пролежала неделю, пацаны её палкой переворачивали, вот похожая вонь стояла в лесу, но менее сильная.

Тропинка уводила нас всё дальше и дальше. Потеряться мы не боялись. Лес – он только так назывался, на деле рощица, дай бог. Сочная, зеленая листва тихо шелестела, едва слышно щебетали птицы, Варя кричала от радости каждый раз, когда находила новый гриб, а Саня хвалил её и гладил по голове. Зачем только меня тянули?

– Сань, дай папиросу, – попросил я. Курить мне не нравилось, курил реже, чем Саня, но иногда всё-таки мог побаловаться.

Он кивнул и протянул папиросу со спичками. Я закурил. Горло дернуло наждачкой, голова слегка закружилась, а во рту появился привкус травы.

Толстые осины расступились, открывая большую поляну.

– О, сейчас поживимся! – закричала Варя, бросилась вперед и замерла.

С противоположной стороны, в деревьях стояла девочка и дрожала, точно от холода, увидела нас и вышла на поляну.

– Варя, быстро сюда! – крикнул я.

Сестра мигом очутилась возле меня.

На девочке были широкие штаны и грязная блузка, вся в подпалинах и рваных дырах.

– Сань, беги бабку зови.

– Не надо, – голос девочки звучал хрипло, и устало, голос не ребенка, а древней старухи.

И Саня замер.

Незнакомка улыбнулась. Немытые космы падали ей на плечи, в волосы что-то вплетено, я пригляделся и вздрогнул. Колючая проволока. Глаза закрывала плотная, серая повязка, из-под которой на щеки струилось что-то темное, смахивающее на мазут. Я понимал, что нужно бежать, но ноги точно вросли в землю, не мог сделать и шага, только тяжело дышал. Папироса потухла, и я выплюнул её на землю.

– Ты кто? – спросила Варя.

– Гостья, – девочка подошла ближе. – Я прихожу, когда меня зовут, но устала.

– Мы тебя не звали, – я не узнал собственный голос, он вдруг стал дрожащим, жалким, чужим.

Она звонко рассмеялась, и страх немного отступил, смех совершенно обычный.

– Не вы, глупые. А те, кто выше вас. Гиганты, так они о себе думают, наверное, хотя, спроси меня, самые настоящие карлики. Вы меня не звали, но я здесь.

Птицы больше не пели, вонь немного усилилась, ветер исчез. Мы словно попали внутрь куска янтаря. Я отстранился, одновременно прикрывая собой Варю. Ходить можно, значит, только тяжело, как с пудовой гирей на ноге.

– Мне жаль, но так надо, – девочка оглядела нас, и я не сомневался, она видит сквозь повязку. Мазутная слеза сползла по щеке на подбородок, повисела немного и упала. – Моё время вышло. Я устала. Пусть приходит кто-то другой. Например, ты.

Грязная ручка вспорхнула, палец указал на Варю.

– Я...я...не надо.

Девочка пожала плечами и подошла ближе. Теперь вонь стала невыносимой, глаза заслезались, к горлу подкатил комок и я почувствовал себя дохлой кошкой, которую перерачивают палкой.

– Мальчишки не подойдут. Это наша доля.

– Я не хочу, – Варя плакала, точно понимала, о чем говорит эта странная девочка. – Я домой хочу. Не надо, пожалуйста. Найди другую. А я домой хочу.

– Жаль. Жаль, что ваш дом скоро обратится в прах твоею рукою. Жаль, что твой возлюбленный умрёт от руки, которую поведёшь ты. Жаль.

Девочка подошла ближе.

Я сжал кулаки, собрал все силы, развернулся и подхватил Варю, она была тяжёлой и какой-то деревянной. Побежал. Ноги вязли в земле. Каждый шаг я отвоевывал с трудом, но этого было мало. Сзади, тяжело дыша, топал Саня, вскрикнул, упал. Я не оглянулся. Ещё немного. Вот тропа. Левую ногу что-то опутало. Падая, я ухватился за дерево, сам устоял, а вот Варю уронил.

В загорелую кожу впивались белые нити, похожие на тонких червей. Держали крепко. Я заорал, орал до хрипа.

Варя вскочила и попыталась бежать. Нет. Не вышло. Незнакома тронула её за плечо и Варя замерла. Тонкие ноги дрожали, по лицу текли слезы, косынка слезла на бок.

– Не надо! Пожалуйста, пожалуйста, я домой хочу.

– Я тоже, – сказала девочка, сняла с Вариной головы косынку и повязала моей сестре на глаза. – Ты поймешь. Ты когда-нибудь тоже сможешь уйти.

Варя тихонько стонала, прикусив нижнюю губу. Девочка взяла мою сестру за руку и повела прочь.

– Почему я? – последние слова, которые я слышал от сестры.

– Почему мы все? – отвечала девочка, – просто не повезло.

Пути немного ослабли, я с силой дёрнул ногу, вырвал комок земли и помчался за удаляющимися фигурками. Выскочил на поляну. Варю и незнакомку окутывали белые нитки, грубо врезались в кожу, сестра протянула руку, в глазах читалась не мольба, нет, а что-то дикое, первобытное. Самый настоящий ужас. Я встал и смотрел, как из земли росли всё новые и новые нити. Земля дрожала, из-под неё раздавался глубокий басистый гул, что-то скрывалось там под травой и слоем грунта, я ощущал вибрацию, я чувствовал это. Мимо меня промчался Саня.

– Варька! – его голос резанул по ушам.

Саня зарычал, бросился к Варе, обнял её тоненькую фигурку, потянул, в тщетных попытках вырвать. Белые черви схватили и Саню. Мгновение, и все трое исчезли.

Следующие два дня их искали деревенские. Из города приехала мать. Допытывалась, рыла носом землю. Но ничего. Ни следа. А ещё через два дня всем стало не до поисков.

Война.

Тёмные, страшные годы, пропахшие сырой землей, потом и страхом. Отец погиб при бомбардировке. Мать, кажется, окончательно сошла с ума, выкрикивая на руинах два имени.

Партизаны. Зашуганный двенадцатилетний пацан попал к ним волею случая, и прижился. Не бывает атеистов под огнём, так говорят, да? Приметы, поверья и табу, исполняя которые солдаты надеялись задобрить войну и судьбу. В них я никогда не верил, ведь знал, что война слепа и в кого она ткнёт пальцем предсказать нельзя. Нельзя сказать, на кого моя сестра укажет рукой, которой когда-то сплетала теневые фигурки. Моя сестра. Контуженный, я лежал среди дерьма и крови, на холодной, промерзшей земле, нога горела пламенем, но сил на крик у меня не осталось. Безучастно смотрело ртутное небо, я не мог выдержать этого взгляда и с трудом перевернулся на бок. И тогда мне почудилось, что я вижу Варю, ходящую среди трупов, в летнем платице посреди зимы, с красной косынкой на глазах. На мгновение показалось, что Варя замерла, узнав меня, что её губы дрогнули в улыбке. Но, конечно, просто показалось.

После войны я зажил нормально, иногда, обычно по ночам, ныла левая нога, в которую вонзилось с десятков осколков, но в остальном нормально. Семья, дети. Но жизнь проплывала мимо меня, я не чувствовал её теплого дыхания. Казалось, что последний день, когда я жил, прошёл в коровнике, где мы неудачно запекали картошку, а потом пошли домой, наслаждаясь звездами и тихим шелестом ветра.

Только вот иногда приходил сон, душный, тяжёлый. В нём колючая проволока, ржавая, грязная, на иголках наклепана земля, которая пахла почему-то копчёной картошкой, опутывала мне ногу, а вместо крови из ранок лился вязкий мазут, потом проволока превращалась в белые нити, которые тянули вниз с кровати, в ледяную слякоть. А потом дальше. В города-руины, в поля с трупами, которые садились и смотрели жемчугом глаз, тянули руки, пытались ухватить, но им никак не удавалось. Тянула мимостроек и восстановленных заводов, мимо детского смеха и весны. Мимо сына и дочери, мимо жены, мимо звёздного неба, которое медленно затягивали тучи. Тянуло куда-то далеко. И вот я уже слышу грохот и вижу огромный механизм, смазанный кровью и внутренностями. Он дрожит, он работает, хоть и проржавел насквозь. Он огромен, выше неба. Вот куда меня тянут нити. Туда, внутрь. Я совсем близко, вот уже, ещё немного и меня утащит в железные шестерни, перемелет кости и я стану смазкой, удобрением для Машины, которая много древнее меня, которая будет продолжать работать даже когда умрут мои дети и постареют их правнуки. Механизм, состоящий из огромных шестерней, облепленных белыми нитями, исчезает. Там, где он был, стоит Варя, и грустно улыбается, убирает прядь с лица, складывает ладошки, и на земле возникает тень огромного волка, который скалит пасть, а с клыков капает темная кровь. Я кричу имя сестры. Звёзды падают, чертя на небе алые штрихи, их так много, и все они падают, каждая из них, рухнув, уничтожает за раз тысячи жизней, а звёзд так много. Механизм гудит, урчит, только это не Машина, а моя сестра плачет или смеется. Но Варя исчезла, на её месте снова стоит смесь шестерней и нитей, царапает небо и я понимаю, что нет и не было у людей бога, кроме этой ржавой Машины, ей они служат и приносят жертвы, прикрываясь идолами и благими намерениями. Только ей. Машине, войне, Варе, гостье. Какая разница? Бог един во всех лицах. Я просыпаюсь.

Этот сон снился мне редко, но каждый раз прорывал до костей, каждый раз наутро, открывая газету или включая радио, я уже знал, какими будут новости.

Написать книгу решил, чтобы избавиться от ощущения тяжелых, ненастоящих дней. Архивы открыли для меня свои двери, и я стал работать. Днём преподавал, а вечером, зарывшись в бумаги, выводил на страницах историю зверств захватчиков. Писал каждый день, по два часа, любой подтвердит, но забросил. Жена сокрушалась и советовала продолжать, но я не мог. Рука больше не могла вывести и слова. Забросил после того, как наткнулся на старую фотографию.

Черно-белый снимок, на котором изображен мальчик в майке и шортах, на груди расплывается тёмное пятно, в глазах застыло удивление. А на голове красуется чепчик. Цвет

зернистое фото не передало, но это и не было нужно. Голубой. Саню я узнал сразу. Он ничуть не изменился. Сверил даты. Почти три года с момента его исчезновения в лесу, а нет ни малейших изменений, даже одежда та же. Неизвестная жертва садистов. Неизвестная. Так и забросил книгу. К чёрту, решил.

А мир перешагнул в новый век, споткнувшись по дороге, и отнял у меня жену.

На очередной юбилей мне подарили квартиру, выходящую окнами на лесополосу. Красивую квартиру, хоть и однокомнатную, в огромном сером доме, свечой возвышающимся над остальными. В последнее время дочь с сыном просят переехать к ним: стало быть, я уже слишком стар для жизни в одиночку, но каждый раз отказываюсь. Я не развалина, хоть и иногда кажусь таким. Нет. Я могу о себе позаботиться.

Вчера нога не давала спать, визжа болью почти, как в тот памятный зимний день. От Сани я приобрёл привычку смолить, но папиросы нынче совсем не те, конечно, мне немного не хватает легкого привкуса травы. Я вышел на кухню и обнаружил, что сигарет в пачке нет, сплюнул и похромал в ближайший киоск. Путешествие не из лёгких, но я справился отлично, лёд не смог побороть ветерана.

На обратном пути я замер, до боли сжал ручку костыля, нога перестала гореть и теперь просто стонала. Ледяной ветер донес до меня тяжелый аромат.

В песочнице, накрытой металлическим мухомором, сидела соседская девочка в шубке и с белоснежным шарфиком, а напротив Варя в грязном, местами пропаленном, дырявом платье. Я не сразу её узнал, помогла косынка. Чумазое личико, тонкие пальчики, волосы, припорошенные то ли снегом, то ли пеплом и колючая проволока, вплетенная в них.

Соседка что-то весело рассказывала, а Варя гладила её по щеке. Наконец, они встали. Варя сняла с девочки шарфик, немного подержала в руках, будто сомневаясь, а затем повязала ей на глаза. Дети взялись за руки, и пошли в сторону леса. Медленно, не оборачиваясь. Варя уводила нового Бога прочь, а я стоял и смотрел им вслед, по щекам бежали слезы, которые, казалось, ещё чуть-чуть и превратятся в ледышки.

Весь следующий день прошёл в криках соседей. Приезжал полицейский, всех опрашивал. Тыкал в лицо фотографией.

– Вы видели её?

Покачал головой и закрыл дверь. Темнело. Соседка выла раненым зверем. Сосед с кем-то ругался по телефону. Не уснуть. Просто писать, беря старую рану. Скоро всем станет не до девочки. Телевизор что-то рассказывает об эскалации конфликта и желании всё решить мирными методами. Забавно. Ведь этот год тоже, наверное, был грибной. Гостью снова призывали.

Дописав, я пойду на кухню, закурю, заварю чай. Спать уже не лягу, ведь догадываюсь, какой мне приснится сон. Лучше буду смотреть на звёздное небо, пока ещё чистое, но ненадолго, полагаю.

Мне жалко соседку, но с другой стороны Варя свободна. И я хотел бы увидеться с ней в месте, где никогда не завоют сирены, и где нет надобности в гостях; в месте далеком отсюда; в месте, где мы навсегда забудем грязь и холод войны, снова став беспечными детьми, грустящими из-за неудачно закопченной картошки. Хотелось бы.

Но я понимаю, что это ложь. Такого не будет никогда. Подобного места просто не существует. Умерев, я окажусь возле Машины. На этот раз не во сне. На этот раз навсегда.

Давка

Руслан Лютенко

Морозный воздух, буквально секунду назад разрывавший лёгкие, сменился затхлым и тёплым воздухом подземки. Антон домчался до входа в метро, всем телом надавил на туго подавшиеся стеклянные двери и влетел на площадку с турникетами, от которой вниз, к станции, спускались замкнутые в бесконечное колесо и гудящие ступени эскалатора. Антон посмотрел на часы, чертыхнулся и подбежал к автомату, выдающему билеты.

Внизу раздался знакомый гул приближающегося поезда. Его последнего шанса добраться до места собеседования и получить работу мечты. Но если он сейчас опоздает...

Кляня давший сегодня утром сбой будильник, Антон дрожащими от возбуждения руками засунул в прорезь автомата смятую купюру. Тот её со скрежетом втянул, но спустя мгновение выплюнул, злорадно мигая красным. Антон попробовал ещё раз, с тем же результатом.

– Эй, быстрее давай, щас поезд подкатит! – раздался грубый голос. Антон обернулся и обнаружил позади себя довольно большую очередь, возглавляемую угрожающего вида мужиком.

– Сейчас...

Он достал вторую купюру, такую же помятую. Сунул в автомат, и – О чудо! – адская машина приняла жертвоприношение, выдав в ответ белый бумажный прямоугольник со штрих-кодом – его пропуск на станцию.

К турникетам пришлось прорываться с боем, настолько огромный поток людей пытался сквозь них «протечь». Гул поезда стал невыносимо громким: признак скорого торможения. Антон постарался расслабиться: он сделал всё, что от него зависело. Теперь нужно было отдаться на милость влекущей за собой толпы людей в мокрой от растаявшего снега одежде.

Вот только...

Страх уже начал подбираться к нему. Он угнезвился в стенах и потолке, давил изо всех сил, заставляя тонны земли над головой ломиться сквозь бетон, чтобы засыпать и Антона и всех вокруг. Чёртова клаустрофобия, изводившая его с самого детства, почуяла знакомую обстановку подземки и с шипением подняла свою змеиную голову где-то возле сердца.

Кто-то сзади довольно сильно толкнул его, заставив сбиться с шага и получить несколько пинков локтями от людей, тащившихся по бокам. Антон оглянулся и увидел давешнего мужика, который подгонял его у автомата. Тот надвигался на него, обладающего, кстати, довольно маленьким ростом, пытая, словно бульдозер. По покрасневшемуся от перемены температуры лицу текли капельки пота, а желтоватые зубы яростно оскалились.

– Если я опоздаю на поезд, ты у меня...

Антон со всем возможным тактом протиснулся вперёд, подальше от этого неадекватного, и вдруг двинулся сам по себе, попав на чёрные зубчатые ступени эскалатора. Чтобы не упасть, мёртвой хваткой вцепился в резиновые поручни, отполированные множеством рук подземных путешественников. Где-то далеко внизу гудение поезда достигло апогея, а затем снизилось, сменившись шипением тормозных колодок, сцепившихся с путями. Антон взглянул вниз, увидел спину последнего вагона, и волна разочарования на секунду подавила в нём страх закрытого, наполненного людьми пространства – следующий поезд на этой ветке будет только через четыре-пять минут, а значит, он безнадежно опоздал. От разочарования захотелось уткнуться в пуховик стоящего перед ним человека и взвыть.

– Шановні пасажири, – внезапно раздавшийся, усиленный в десятки раз голос работницы метро шёл как будто отовсюду. – Электропоезд прямое до станции Московский проспект, и далі в депо. Посадки не буде.

Антон не сдержался – надул щёки и громко с облегчением выдохнул. Если поезд идёт в депо, следующий прибудет через минуту-полторы. А значит, он всё ещё успевал, но впри-
тык.

Ступени под ногами пошли вниз, и Антон внутренне напрягся. Он всё время так делал, когда нужно было переступить место, где ставшие плоскими ступени уходили под землю, чтобы начать там очередное восхождение наверх. В детстве Антон плакал, брыкался, умолял родителей не заходить на станцию с той стороны, где расположен эскалатор. Боялся, что в том месте нога может застрять, и стальные зубья, пожирающие чёрные ступени, утащат под землю и его. Прошли годы, наивный детский страх трансформировался в трезвый взрослый расчёт: никто его под землю не утащит, зазор слишком мал. Но если нога-таки застрянет, боль будет адской. Сначала сломаются пальцы, потом кожа под чудовищным давлением натянется и лопнет, забрызгав ступени кровью. Следующей будет кость ноги – она треснет, но не сломается, застопорив весь этот механизм...

Задержав дыхание, словно пловец перед погружением в воду, Антон перепрыгнул через страшное место, чуть не сбив с ног парня в пуховике (тот хищных зубьев даже не заметил – просто перешагнул их в нужный момент). Тем временем опустевший поезд уже преодолел половину станции, набирая ход по пути в депо. Антон попытался пролезть ближе к краю платформы, но не смог – людей было много. Слишком много. Как будто вся платформа была занята ими. А сзади напирала всё новые (он слышал приглушённые маты давешнего мужика), и он волей-неволей вынужден был протискиваться между пассажирами, будто путешествуя по лабиринту с мягкими стенами, которые смыкались всё плотнее, намереваясь задушить низкорослую пародию на Тесея, которой он и являлся.

– Спокойно... – сказал он сам себе, не расслышав голоса в гудении сотен глоток.

Просто люди прибывают, а поезд всё не едет. Да ещё и подземный червь по пути в депо опорожнился на платформу новой порцией пассажиров, которым тоже нужно ехать дальше. На тебя никто не давит. На тебя. Никто. Не. Давит.

Антон с присвистом вдохнул в себя тёплый, пахнущий шубами воздух. Только что он упёрся в стену из людей, которые упорно не желали дать ему проход. А толпа сзади всё напирала, его сдавило со всех сторон, да так, что перед глазами распустились красные цветы. Он сунул обе руки в зазор между парнем в пуховике и грузной седой женщиной, пахнущей потом. Напрягая все силы, пролез между ними, ощущая блаженное освобождение от давления. Он сделал ещё один шаг... Вот только пола под ногой не оказалось. Антон застыл, балансируя на одной ноге у самого края платформы. В желудке образовалась пустота, будто тот-таки упал на пути.

– Мужик, ты чего?! – человек в пуховике, оказавшийся молодым парнем с веснушками, мёртвой хваткой вцепился ему в плечо. – Щас вниз навернёшься!

Антон вскрикнул, спиной прижавшись к недовольно заворчавшей седой женщине. Левая нога, вдруг ставшая ватной, нашла опору и будто приросла к платформе. Сердце, казалось, раздумывало – продолжать биться, или нет?

– Спа... – он хотел поблагодарить парня, всё ещё державшего его за плечо, но горло свело судорогой. – Спас...

И тут его уши разорвал вой гудка. Антон дёрнулся, словно от удара током, и в этот момент по станции пронёсся порыв прохладного ветра, унёсший в темноту тоннеля спёртый воздух, напитанный запахом наводнившей подземный грот человеческой орды.

– Шановні пасажири! Будьте уважні, на станцію прибуває електропоезд. Відійдіть від краю платформи.

Антон повернул голову против ветра и увидел два болотных огонька, стремительно приближающихся к станции. Своим светом они на одну лишь секунду вырывали из темноты туннеля покрытые толстыми чёрными проводами-пиявками стены. Вой тормозов говорил, что поезд сбросил скорость в несколько раз, и всё же он буквально промелькнул перед Антоновым носом, взъерошив волосы.

Бог мой, если бы тот парень меня не словил, это чудовище раздавило бы меня, подумал Антон. Эта мысль, едва оформившись, словно смешалась с ветром и утонула в стуке распахивающихся дверей. Внутри вагона яблоку негде было упасть, а влажная теплота, ударившая ему в лицо, напоминала банный пар.

Антон, сердце которого всё ещё колотилось после чудесного спасения, всё-таки почувствовал укол сожаления. В поезд он попросту не пролезет, а значит опоздание неизбежно. Оставалось лишь надеяться на благосклонность начальника, которому вроде бы понравилась антонова характеристика...

И вдруг его блуждающий взгляд сфокусировался на лицах людей в вагоне – ухмыляющихся с видом превосходства – и соседей – злых и решительных. Невероятная догадка заставила похолодеть.

Две группы людей, две бездумных массы с инстинктами вместо интеллекта, две губки тисков, ждущие, когда кто-то начнёт крутить ручку. И между этими тисками – Антон.

Нет, подумал он, мысленно обращаясь к стоящим позади. Вы же видите, там нет места. Поезд переполнен, придётся ждать другой. Чёрт с ней, с этой работой, я уже не хочу никуда ехать, дайте мне выйти наверх, на свежий воздух. Только ради Бога, не пытайтесь туда влезть.

Его толкнули. Снова. И это снова оказался тот краснолицый амбал, который угрожал ему возле турникетов. Склонив голову, будто бык, он выставил руки вперёд и вклинился в плотную сутолоку обитателей вагона. Следом за ним решительный шаг сделал парень в пуховике. И, как по команде, люди на платформе начали втискиваться в поезд.

Ручка закрутилась.

Платформа и вагон стали сообщающимися сосудами, вот только жидкости в них двигались против всех законов физики – из полного, в полное. Мужчины и женщины, спешащие, как и Антон минуту назад, по своим неотложным делам, образовали плотный строй, через который невозможно было пробиться назад, путь был только вперёд, в вагон, превратившийся в банку со шпротами. Антону даже не нужно было передвигать ногами, его просто пронесло через проход и вдавило в пахнущую перегаром теплоту чьего-то тела. Возмущённые крики людей, голос диктора «Обережно! Двери зачинаются, наступна зупинка...», рокот ставшего недостижимым эскалатора – всё внезапно стихло, а уши закупорило от чудовищного давления на спину. Антон попытался закричать, попросить людей больше не заходить, но изо рта вырывался только хрип и капельки слюны попадали на куртку человека перед ним. Сдавленные лёгкие требовали кислорода, он с ужасом понял, что задыхается и может умереть. Вот так просто – во время давки в метро. Под тоннами земли. В спине что-то едва ощутимо хрустнуло.

И тогда он начал драться, распихивать локтями стонущих также как и он людей, цепляться за плечи и проталкиваться – только не вверх, а вниз. В процессе он получил несколько довольно сильных тумачков в ответ, но всё-таки смог сесть на корточки, вдруг оказавшись у подножия человеческих джунглей, где давление было не настолько сильным. Он буквально ощутил, как расправляются лёгкие, и закашлялся от боли в груди. В нос тут жешибанул запах забитого людьми вагона, который он так ненавидел, и из-за которого астматикам не рекомендовалось ездить в метро. Это было нечто неопишваемое, запах, который нельзя было описать целиком, только по частям. Был здесь и пот – свежий и старый, и запах духов – приятных и отталкивающих, но в смеси просто ужасающий, и моча, и перегар. Да ещё и жут-

кая жара. Антон только сейчас понял, что давно уже взмок от пота и теперь пара от него идёт не меньше, чем от всех остальных. Ему мучительно захотелось сбросить душное пальто, но степеней свободы было так мало, что приходилось терпеть, обливаясь струйками пота.

Вагон качнулся, и Антон резко упёрся руками в мокрый от уличной грязи пол, чтобы не упасть. Электропоезд с воем, от которого сжимались барабанные перепонки, двинулся вперёд, быстро набирая скорость. В какой-то момент инерция отпустила Антона, и он снова сел на корточки, разглядывая покрытые грязью руки. Представив, как он будет пожимать руку работодателю, Антон рассмеялся. Довольно громко, но никто в грохоте движения его не услышал. Покачиваясь в такт электропоезду, он смеялся над тем, в какую же глупую ситуацию попал. Напряжение постепенно отпускало, остался только стыд и недоумение. Что вообще произошло в последние минуты? Как в битком набитый поезд вошло так много людей? Может, клаустрофобия и возбуждение сыграли с ним злую шутку, и никто его не давил, выжимая воздух из лёгких? А он, как маленький мальчик, спрятался в домик. Подумать только, он сидит на грязном полу вагона, под ногами у людей. Он виновато взглянул вверх, ожидая увидеть насмешливые взгляды других пассажиров, но сквозь плотную завесу из шуб, пальто и курток не смог разглядеть ни одного лица. Здесь действительно было тесно...

Он оглянулся вокруг, рассматривая лес ног, окруживший его, и смех в какой-то момент застрял в глотке. Антон шлёпнулся задом в грязь, натопанную мокрыми ботинками, и, отшатнувшись, упёрся спиной в чьи-то нижние конечности. Его лицо перекосило, уголок рта колебался между улыбкой клоуна и оскалом паралитика.

В двух метрах от Антона, между рядами скамей, лежал человек. Мальчик в ярко-жёлтой пятнистой куртке с разводами грязи на синтетической ткани. Десятки человек стояли на неестественно вывернутых руках, на груди, на голове. Кто-то стал сапогом на его лицо и вдавил настолько сильно, что из носа брызнула кровь, а глаза вылезли из орбит.

– Помогите! – наконец, смог заорать Антон.

– Вы человека убили! – добавил он нечто совсем несуразное. Разве просят помощи у тех, кто убил? – Тут мёртвый мальчик!

Крики вырывались изо рта, растворяясь в невыносимом грохоте разогнавшихся всюю механизмов под полом. Антон попытался подняться и протиснуться наверх, пусть даже его снова сдавят. Лишь бы добраться до людей, может, мальчик ещё жив. Напрягая все силы, он выдрался наверх и заорал на ухо усатому мужчине с блестящим от пота лицом. Тот посмотрел на него, как на ненормального и, видимо, ничего не услышал, потому что именно в этот момент гул достиг своего апогея – вечный предвестник того, что скоро поезд остановится. И действительно, в какой-то момент живая чернота стенок тоннеля за окнами мигнула и сменилась ярким светом платформы. Поезд затормозил, и двери с лязгом расступились.

Обезумевший от нереальности происходящего Антон набрал полную грудь воздуха, готовясь кричать до хрипоты, просить о помощи, умолять кого-нибудь нажать кнопку экстренной связи с машинистом, как вдруг чей-то крепкий подзатыльник заставил его с шумом выдохнуть то, что вдохнул, а зубы буквально лязгнуть и до боли прикусить кончик языка. Медленно, словно воздух вокруг напитал столько запахов, что начал твердеть, Антон повернул голову.

Снова тот мужик. Красное лицо, выпученные и злые глаза, а на лице гаденькая улыбочка. Улыбочка человека, который любил издеваться над слабыми, да так и пронёс эту любовь через всю жизнь. Затопанный людьми мальчик вылетел из головы. Антон выпростал руку из толпы и заехал мужику по носу. Его удивлённый хрюк был слышен даже в гуле заходящих людей.

– Ах ты сука! – заорал мужик, пытаясь достать Антона, капая кровью из носа на плечи безразлично охающих людей. – Тебе хана, мудака... Я тебе...

Его лицо всё больше наливалось красным, а угрожающая мина в какой-то момент сменилась удивлённой и напряжённой, будто мужик не в метро ехал, а тужился на унитазе. Женщина, прижатая к Антону с левой стороны, охнула, мужчина, которому он кричал о мальчишке, глухо выругался. Что-то происходило, но только обернувшись на двери, Антон понял, что именно.

Станция, на которой остановился поезд, также была переполнена. И люди один за другим, один за другим втискивались в вагон. Против всех законов вселенной они всё входили и входили, тужась, словно не замечая, что мест больше нет. С глаз людей вокруг Антона будто спала пелена, раздались испуганные вскрики, маты, кто-то громко хрипел. Сам Антон, охваченный безумным ужасом, попытался снова уйти на дно этого жаркого человеческого моря, но куда там – давление усилилось настолько, что, казалось бы, сейчас его плечи хрустнут, а рёбра раскроются в ореоле кровавых брызг. Мужские и женские туловища напирали со всех сторон, ощущение страшного стеснения нарастало где-то выше пупка и распространялось вверх, в голову, упираясь в глаза и выталкивая их из стонущего черепа. Тяжело пульсирующий в ставшем вдруг плотном субдуральном веществе мозг из последних сил послал несколько ленивых импульсов в конечности – и Антон полез вверх, под потолок, где ещё оставалось свободное место. Мужик, ставший его смертельным врагом, вяло хапнул Антона за рукав, но через секунду отпустил, навсегда скрывшись между неумолимо сходящимися людьми.

Сначала руки на чьи-то плечи, затем ноги – и вот он уже ползёт по людям, хватаясь руками за их тёплые головы, покрытые скользкими от пота волосами. Одной рукой опираясь на обклеенную рекламой виагры и футбольными наклейками стену, Антон продвигался к зазору между всё прибывающими людьми и дверью.

И – словно насмешка – голос, объявляющий конец посадки:

– Обережно, двері зачиняються, наступна зупинка – станція Спортивна.

Каким-то чудом, несмотря на давку, двери захлопнулись. Издав безнадёжный стон, Антон ногтями царапнул по стеклу, наблюдая, как поезд трогается с места, как безразличное ко всему стадо пассажиров откатывается от дверей в ожидании следующего транспорта, как евреи когда-то ждали своей очереди в бани, замаскированные под газовые печи.

Наверху катастрофически не хватало кислорода. Антон застланными мутной пеленой глазами обвёл людей под собой. Их было слишком много. Почти все изломанные, посиневшие, задохшиеся в страшных объятиях соседей по вагону. Он попытался рассмотреть что-то в просвет под ними, и с ужасом увидел гору тел, тянущуюся, казалось бы, до самого ада. Клаустрофобия с поклонами отступила, освобождая место боязни высоты. Пальцы заскребли по приклеенному к стене плакату с рекламой какой-то IT-компании, пытаясь за что-то уцепиться. Он увидел, как где-то там, внизу, тело в жёлтой куртке, кажущееся мизерным с такого расстояния, покатилося вниз, по жуткой горе, и сорвалось в пропасть, захватив с собой ещё несколько трупов. Антон плакал и хватал воздух распахнутым ртом.

Самое страшное, что куча росла, продавливала, теснила уцелевших пассажиров вверх. Антона прижало к потолку, головы пассажиров под ним упёрлись в его спину, словно очень большие массажные валики. Послышался треск – это всё вокруг спрессовывалось в истекающий кровью брикет, вминающий в себя ещё живого, но уже наполовину перемеленного Антона. Тот пытался вдохнуть, но делал только выдохи – за неимением кислорода он выдыхал кровь и частички лёгких, оседающие на пыльном потолке вагона. Его глазные яблоки выпучились, склера натянулась до отказа, расцвёл кровавой сеткой, готовая в любую секунду лопнуть и растечься прохладной лужицей по разгорячённому лицу. В конце концов, эта секунда настала.

Переезд между двумя станциями занимает в среднем две минуты. Часы на переломанной и ощерившейся розовыми от крови костями левой руке Антона уже давно отсчи-

тали это время. Секундная стрелка ещё долго продолжала свой путь, пока стекло под давлением не разлетелось вдребезги, а стальной корпус с чавканьем, не слышным за гулом поезда, погрузился в чью-то ставшую вдруг такой податливой плоть.

Разгоняя фарами бесконечную тьму, адски грохочущий поезд с тишиной внутри в какой-то момент поехал вниз.

Пусть всегда Максим Тихомиров

1. Водка

На проходной его ждали.

Двое в штатском: пальто с полами до пят, лаковые, не по сезону, штиблеты, федоры с опущенными полями. Тот, что повыше, сразу спросил напрямик: такой-то и такой-то? Он потупился, горестно вздохнул. Кивнул, сознаваясь. На душе стало пусто, легко и отчего-то очень светло, словно отряхнул, наконец, совесть от застывшей свет, подобно угольной пыли, нечистоты. Больше можно было не притворяться, быть, пусть и недолго, тем, кто ты есть. От осознания этого сами собой расправлялись ссутуленные плечи и распрямлялась угодливо согбенная, как того требовала роль, спина. Странное, давно позабытое чувство. Позабытое, к счастью, не до конца...

Показал фальшивый аусвайс; аусвайс забрали, взглянув лишь мельком; обиднее всего было то, что сразу же отняли – без применения силы, но так уверенно, что и язык не повернулся возразить – мешок со всем содержимым; внутрь даже не заглянули – просто швырнули в кусты за краем бетонированной площадки перед заводоуправлением. Мешок влажно всхлипнул напоследок и закувыркался в темноту, позванивая дюралем и медью.

Пускай, подумал он, чего теперь жалеть... Жалеть, если разобраться, было о чем. О многом можно было жалеть, но сейчас такой роскоши он не мог себе позволить, а потому прогнал прочь мысли, которые могли сделать его слабее. Это у него пока все еще получалось хорошо – прощаться, прогонять и забывать.

Его деликатно, но крепко взяли под локти и, попутно обыскав с вежливой ненавязчивостью профессионалов, повлекли к служебного вида черной машине с бесконечно длинным капотом. Под капотом рокотал мощный мотор. Усадили на задний диван, прижались плечами так, что не вскочить. Третий, тоже в шляпе, обернулся с водительского места: можно? Было можно; машина мягко тронулась с места и, буравя стену мокрого снега прожекторными клинками фар, покатила по влажно чернеющему асфальту прочь от заводской ограды.

– Будете? – спросил тот, первый.

Сейчас он сидел слева. Не дождавшись ответа, сокрушенно качнул головой. Снял шляпу, стряхнул с полей талый снег на ковровый пол. Шляпу водрузил на колено. Перчатки у него были неприятные, страшные даже были перчатки – пальцы обрезаны по первую фалангу, на костяшках – явственные утолщения свинчаток.

Будут бить, подумалось с тоской. Как надоело.

Бить не стали. Первый достал из-за пазухи неожиданно большую, долгую бутылку с лебединым горлышком, ухватил зубами и выдернул рывком плотный бумажный пыж, которым была укупорена склянь. Напахнуло ядреным духом первача; первый, запрокинув голову, припал к горлышку и торопливо задвигал кадыком. Оторвался, крикнул, занюхал тылом ладони. Глянул искоса, приглашающе качнул головой: а? Нет, помотал он головой в ответ. Во рту было горько и сухо.

– Зря, – пожал плечами первый, и он почувствовал сквозь ткань рукава, какие железные мышцы перекатились совсем рядом при этом простом движении. И понял – да, зря. Но первый уже убрал бутылку обратно за пазуху (и как она там у него помещалась?), и просить стало неловко. Тогда он сел как можно прямее и стал неотрывно смотреть в несущийся навстречу, словно метеорный поток из радианта, снег.

Автомобиль двигался внутри искристого туннеля, вдоль оси трубы из стремительно летящих хлопьев, и отраженный метелью свет фар окутывал машину волнующимся электрическим ореолом. В такую ночь очень не хотелось умирать снова, и он надеялся, что на этот раз пронесет.

Выехали на объездную, миновали крайние пакгаузы промзоны, пронеслись по шикарному участку магистрали в десять полос, что вела к новому международному терминалу летного поля, над которым маячили смутные громады воздушных судов, дальше по обычному четырехполосному побитому асфальтовому полотну ушли в сторону Вятки. Автомобиль катил мягко и ходко, скрадывая неровности дороги; внутри было тепло, пахло хорошо выделанной кожей (от обивки), сырым сукном (от сопровождавших), дорогими сигарами (от панелей салона) и немного – водочным свежаком от того, что сидел слева. А еще пахло оружейной смазкой и недавно сгоревшим порохом. Жизнь у железных людей в длиннополых пальто и мягких шляпах явно была непростой и очень насыщенной.

Через десяток верст нырнули в сосновый бор по ухоженной гравийке. Снегопад прекратился; за окном сплошной стеной проносились ровные золотистые стволы, тепло вспыхивающие в лучах фар, прежде, чем снова пропасть в ночи. Замелькали высокие, добротные ограды дачного поселка, из-за которых сонно таращились на ночных гостей темные окна верхних этажей приличного, партийного вида особняков; машина миновала несколько перекрестков и свернула в поперечный проезд. Глухие каменные заборы вдруг сменились неуместным, легкомысленным здесь штакетником, выкрашенным в белый цвет. По верху палисада змейкой вились, переходя одна в другую, шапки маленьких, совершенно игрушечных сугробов, которые венчали каждую из штакетин. За забором тепло светились окна большого деревянного дома, притаившегося среди сосен. Снежная змейка вдруг обвилась вокруг массивного столба и забралась на перекладину ворот, в которые свернула машина. К дому вела присыпанная снегом подъездная дорожка, на которой не было ни единого следа. Машина замедлила ход и остановилась напротив освещенного окна.

Тот из провожатых, что сидел справа, открыл дверцу и вышел. Снаружи напахнуло морозным запахом снега – так пахнет шерсть вернувшегося после зимней прогулки кота, вспомнил он вдруг, некстати. Защемило то место, где когда-то было сердце. Он шагнул было следом за конвоиром, но его крепко придержали за плечо, и, затравленно полуобернувшись, он краем глаза увидел, как тот, с первачом, отрицательно качнул головой: не стоит.

И правда – не стоило.

Потому что из теплого квадрата освещенного окна, за которым по ошкуренным бревнам стен тянулись щедро уставленные сафьяном книжных корешков полки, где на широком письменном столе зеленела абажуром особенная, управленческая лампа, а рядом, на кружевной салфетке, исходил паром зажатый в подстаканнике с государственной символикой граеный стакан с наверняка сладким чаем, к которому прилагалась вазочка с наверняка вишневым вареньем и мелкое, словно игрушечное, печенье – из всего этого тепла и уюта смотрел на него, не мигая, человек, которого он надеялся в этой жизни больше никогда не встретить.

Ан нет. Не выгорело.

Встретил.

Лицо у человека за окном, подсвеченное снизу ровным пламенем стоящей на подоконнике свечи, было бесстрастным. Огонь лезвиями глубоких теней безжалостно резал застывшую, словно в посмертии, маску по линиям морщин. Глаза прятались в темноте подбровий и оттуда светились отраженным огнем – но уже яростным, непримиримым, нетерпимым к таким, как он, огнем, который был сродни фанатическому блеску веры в глазах тех, кто обрел наконец Бога после целой жизни бесплодных поисков и лишений.

Страшные, что и говорить, были глаза. Но его не напугали эти отблески адского пламени, беснующегося внутри застывшего за окном человека. Он знал, что человек из-за окна видит сейчас тот же свет в его собственных глазах – словно смотрится в зеркало.

Одинаковые. Такие же. Идентичные. Тождественные.

Они смотрели друг на друга долгое мгновение; один – замерев в полуобороте внутри просторного салона мощной, положенной по статусу лишь слугам народа и их слугам, автомашины, с тяжелой лапой цербера на плече, другой – стоя из окна благоустроенного дачного дома, который был бы для него местом для размышлений и для отдохновения души, если бы таковая у него оставалась.

Потом тот, за окном, чуть заметно кивнул, отпуская. Он почувствовал, как давление на плечо усилилось; сопротивляться ему было столь же бессмысленно и невозможно, как нажиму промышленного гидравлического пресса. Его аккуратно усадили обратно на скрипучую кожу дивана, второй из охранников скользнул внутрь привычным отработанным движением, и машина покатила дальше, оставив позади и заснеженный дом под соснами, и неслышимый аромат крепко заваренного чая, и приговор в мертвых глазах человека за окном.

Ехали недолго. Остались позади огни дачного поселка. Миновали березовую рощу и пару полей с перелесками, остановились на высоком яру с гривкой леса по краю, над широким пространством замерзшей реки. Двигатель взрыкнул, засыпая, и смолк. Тучи раступились, дав дорогу молодому месяцу; серебром залило все окрест. Видно было как днем. Лучше всего была видна огромная груда березовых ветвей и целых стволов, наваленная на краю яра. Среди веток здесь и там виднелись серебристо-бледные в лунном свете руки и ноги, часть обнаженные, часть – в одежде. Некоторые слабо шевелились. Из-под кучи дров, да-да, именно – дров, понял наконец он, – раздавалось невнятное постанывание. В этом негромком страшном звуке не было ни муки, ни боли, ни страха – были лишь тоска и вселенская усталость, да еще слабая надежда на то, что сейчас все наконец-то закончится.

Некоторое время он зачарованно вслушивался в этот словно из-под земли идущий многоголосый стон. В какой-то момент он понял, что остался в машине один. Дверцы были распахнуты настежь, и конвоиры, негромко переговариваясь, курили ядрено-крепкие папиросы и наслаждались ночным пейзажем. Какое-то время он сидел, нахохлившись и глядя в пол. Потом вдруг взъерошил энергичным движением волосы, подергал зачем-то зажатые между пальцами пряди, отчего они с легким треском отделились от черепа, с удивлением взглянул на вырванные пучки. Нервически хохотнул, звонко хлопнул ладонями о тугие подушки сиденья, словно подбивая итог и, качая головой, полез наружу – подышать напоследок.

Его терпеливо ждали. Вот, дождались.

– Сколько... Сколько их там? – спросил он. В горле внезапно пересохло.

– Много, – откликнулся тот, первый.

– И все...

– Да. Все как один.

Помолчали. Он тщетно пытался отыскать в недрах памяти хотя бы тени воспоминаний обо всех этих инкарнациях, обо всех тех кратких вспышках самоосознания, о тех коротких мгновениях бытия, что сейчас лежали под этими ветвями бесстыдным развалом неумирающей плоти, которая никогда и не была по-настоящему живой...

– Он просил вас отдать ключ, – сказал потом первый.

– Ключ?

– Да. От ячейки камеры хранения. Семейного кладбищенского склепа. Подвала, чердака, съемной квартиры... От чего угодно. От замка, за которым вы скрываете ее. Для него это очень важно.

– Но ключа нет, – развел он руками. – Там просто незаперто.

Цербер вздохнул.

– Тогда нам понадобится адрес. Как можно более точный.

Он посмотрел в темные пространства неба между месяцем и грядями туч. Оттуда на него смотрели звезды. Их было немного, они были неяркой россыпью крохотных огоньков. Они смотрели ему в глаза и шептали: все верно, все правильно, иначе нельзя... Делай, что должен.

– Сколько из них сказали вам то, что вы у них спрашивали? – спросил он.

Ему не ответили.

– Ясно, – улыбнулся он звездам. Потом спросил снова: – А на что же вы тогда, собственно, надеетесь?

– На статистическую вероятность и погрешности отклонения, – ответил первый и, чпокнув пробкой, приложился к бутылки на несколько больших шумных плотков. – Рано или поздно нам попадется один из вас, который предпочтет заговорить. Тогда мы найдем ее, и поток бессмысленных смертей прекратится... Хотя бы на время. До той поры, пока она снова не умрет.

– И вы оставите ему жизнь? – рассмеялся он. – Тому, кто приведет вас к ней?

Вместо ответа его ударили. Дважды, со спины, саперными лопатками со штыками, отточенными до бритвенной остроты края. Под правое колено, валя с ног, и следом сразу – в поясницу. Когда он завалился, хрипя и не чувствуя ног, пинком перевернули на спину и рубанули накрест по корпусу, рассекая реберные дуги и печень. Свистнул, ворвавшись в плевральные полости через раны, воздух. Легкие скомкались, и сразу нечем стало дышать... Впрочем, он не особенно-то умел дышать и раньше, начиная с самого момента, когда осознал себя в этом мире и понял, что это уже далеко не первый его визит сюда.

Первый – главный – цербер присел на корточки рядом с его распластанным телом, снег под которым стремительно чернел от изливающихся наружу жидкостей.

– Пока я не начал исследовать содержимое твоих кишок – ну, на предмет того, а не проглотил ли ты что-то важное: ключ, карту, что-то еще, способное привести нас к ней – я в последний раз предлагаю тебе честную сделку.

В чем же здесь честность, хотел спросить он, но уже не смог – спавшиеся легкие не в состоянии были протолкнуть сквозь голосовую щель и гортань даже малой толики воздуха, необходимой для того, чтобы едва слышный хрип превратился в речь.

– А честность в том, – продолжил чекист, словно прочел его мысли, – что она останется жива. Пусть не с тобой, но все-таки жива. Разве не это для тебя главное?

Это, хотел сказать он. Это. Она. И еще маленькая, со смешными косичками девочка, характером вся в отца, такая же красивая, как мать... Девочка, которая несколько минут – целую вечность – назад во все глаза смотрел на него сквозь все то же окно со свечой, стоя в дверях кабинета с книжными полками до потолка и лампой с зеленым абажуром на массивном письменном столе. За ее спиной виднелась украшенная к зимним праздникам гостиная, в центре которой тянулась к потолку лесная красавица-ель в огоньках электрических гирлянд и зеркальном блеске пузатых шаров из тончайшего стекла. Надо же, сколь многое способен заметить человеческий мозг за мимолетную встречу, в очередной раз удивился он.

– Судя по тому, что было у тебя в мешке, который ты вынес с территории комбината, что уже само по себе является делом уголовно наказуемым со сроками исполнения приговора от пяти до десяти лет, дела у твоей благоверной идут не слишком хорошо, верно? Мясо-сырец, фрагменты трубопроводов, контуры охлаждения... Тебе приходится кормить ее белковой пищей и держать в холоде, чтобы приостановить распад? А охладитель постоянно ломается, вот ты и устроился на комбинат по кустарно сделанному аусвайсу, чтобы иметь доступ к жрачке и запасным деталям. Нам тут же пошел сигнал-звоночек о скрывающем свою личность работнике, и все заверте...

Он промолчал.

– Значит, все так... Ведь ты понимаешь, что без тебя рядом она погибнет в течение полусуток? Неужели не хочешь продлить ее... жизнь, да, назовем это так, потому что другого слова даже для такого вот безобразия, как это ваше существование, противное и богу, и партии, в родной речи нет! Разве она не заслуживает того, чтобы еще раз встретиться с дочерью прежде...

– А многие из них согласились? – спросил он, зная, что его собеседник читает по губам; все они умели; такими их создали.

Тот усмехнулся и отвел глаза.

Потом они разрезали его тело на много небольших фрагментов, каждый из которых был тщательно исследован на предмет наличия потайных подкожных карманов; была вскрыта каждая герметичная полость и расколота каждая крупная кость. Когда все кончилось, край неба заметно порозовел, и последние звезды спешили укрыться за понабежавшими вислобрюхими тучами. Пробросило снегом. Снежные хлопья укрыли груды ветвей толстым ковром, и сжечь все чекисты решили уже по весне. К тому времени придется навозить сюда еще стволов и веток, поскольку зима обещает быть урожайной. Как-никак, третий статист за неделю.

Голову с полуприкрытыми неживыми глазами водрузили рядом с тремя десятками таких же, расставленных по краю яра. В стылых бельмах меж век отражались снег, лед и восходящее солнце. Когда машина с церберами ушла, голова медленно-медленно моргнула.

Где-то далеко, запертая в холоде, тишине и темноте, бледная хрупкая женщина сосредоточенно объедала плоть с фаланг пальцев, тщетно надеясь выжить.

2. Колбаса

Он пришел в себя сразу, рывком, и так же – рывком! не медля! – попытался собраться воедино. Это оказалось непросто – спустя несколько мгновений чудовищного, экзистенциального ощущения собственного несовершенства и внутренней разобщенности он понял, что и в самом деле не является сейчас единым целым. Мрак, ритмично рассекаемый под ровный перестук клинками мертвенно-белого света ртутных ламп, пах сосновой стружкой. Щекой он чувствовал уколы мелких щепок. В носу свербело от смолистого запаха древесной пыли.

Ящик, понял он. Я в ящике. Спеленали, чтобы не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, плотно упакован и на совесть заколочен. Тела не чувствую, поскольку затек... Впрочем нет, чувствую – но будто через вату, словно конечности отделены от головы и туловища немыслимыми расстояниями и находятся в неимоверно далекой дали. Он попробовал пошевелить рукой и услышал, как что-то скребется в дощатую стенку ящика совсем рядом.

Но это был другой ящик. Ящик, в котором нечто шевелилось в такт его мысленным приказам собственной руке, отделялся от того, в котором он обнаружил себя, как минимум еще одним ящиком, который венчал свою стопку в длинном и высоком штабеле. Штабель выстроился вдоль стены, по которой в такт проносящимся мимо фонарям бежали снова и снова квадраты света от узеньких окон на противоположной стороне длинного узкого помещения, пол и стены которого ходили ходуном под чертовски знакомый перестук железных колес.

Поезд мчал его в ночь, навстречу переменам.

Дьявол, как так, думал он. Мысли мчались в такт стуку колес на стыках – словно спотыкаясь о невидимую преграду и теряя часть смысла в момент этого соударения. Ни разу за все воскрешения ему не удавалось почувствовать себя полноценным, настоящим – он каждый раз знал, что из места, в котором он очнулся, надо убраться как можно скорее, пока

сюда не добрались ищейки того, главного врага; он знал, что в жилах его течет ненастоящая кровь, и что плоть его тела тоже не вполне настоящая – собаки, например, таким мясом брезгуют... И это он тоже откуда-то знал.

Имени своего он не помнил. Пользовался произвольно придуманными, крал чужие документы при малейшей возможности. Воровством он не гнушался – слишком коротким оказывался каждый раз отведенный ему срок. Кем отведенный? К сожалению, ответ на этот вопрос был ему очень хорошо известен. Им самим. А вот почему, зачем – этого он сказать не мог. Амнезия. Ментальный блок.

И он знал, что каждый раз, когда он обнаруживает себя одетым или голым, полубезумным или стопроцентно вменяемым, перманентно голодным или до тошноты сытым, воскресая на чердаках и в подвалах, в общественных уборных или среди вывороченных корней лесного великана, – в тот же миг на расстоянии пары километров от него точно так же некая неведомая сила воскрешает любовь всей его жизни, единственную женщину, ради которой он всегда и безоговорочно готов абсолютно на все.

И у нее рак.

Молниеносно текущий, разрушающий тело в считанные часы – если не принять должных мер.

Для этого нужны:

- холод (чтобы замедлить метаболизм, который опухоль разгоняет до невероятной, самоубийственной интенсивности)

- пища (чтобы накормить опухоль быстрее, чем она примется за ткани ее тела)

- покой (тихое темное место, в котором она сможет отдохнуть и набраться сил, пока он прикладывает все силы для того, чтобы найти способ спасти ее).

Со способом пока были одни сплошные проблемы.

А потому они умирали, снова и снова – от голода и холода, от несчастных случаев, от рук грабителей и убийц. Стоило уйти одному, и второй терял цель и интерес к жизни, стремительно деградируя и угасая в считанные часы после смерти партнера.

Лишь для того, чтобы возродиться вновь. Опять и опять. Снова...

Время было дорого. Он не мог позволить себе терять ни минуты. Обшарив руками внутренности скрывавших их ящиков, интуитивно прочувствовал слабые места в каждом из них. Пять минут возни с изменением интенсивности и направления нажима на углы, силовые бруски и доски обшивки – и вот уже в образовавшиеся щели спокойно проходит кисть. Ориентируясь по слуху, он погнал обе руки к себе, и через минуту они старательно, стараясь не нахватать заноз, расшатывали дощатую крышку ящика, в котором лежала среди стружек его голова. В треске ломающегося дерева голова была схвачена за волосы; руки, переплетаясь предплечьями, водрузили ее на неровно опиленные культы и повлекли вдаль по вагону, передвигаясь на пальцах огромным уродливым пауком.

Внутренности вагона были заставлены такими же одинаковыми ящиками с неизвестным содержимым безо всякой маркировки. Протиснувшись между ними, он наконец увидел ее.

Двое немых бродяг держали ее за раскинутые косым крестом руки и ноги, растянув на полу, а третий, здоровенный бугай в засаленном картузе, драном лапсердаке и спущенных до колен штанах, увлеченно оглаживал заскорузлыми ладонями ее бедра. Короткая толстая палка, окруженная густой порослью волос, задорно топорщилась между его мясистых ляжек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.